

Е.Я. Вольская

“КУПЛЕТ ТАТЬЯНЕ”

С семьей Панфила Харликова
Приехал и мосье Трике,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и в рыжем парике.
Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне
На голос, знаемый детьми:
Réveillez-vous, belle endormie (VI, 109).

Так Пушкин представляет читателям одного из гостей Лариных, приехавшего на именины Татьяны. Единственный эпизод, героем которого он является — исполнение поздравительных куплетов. Этому эпизоду и посвящена наша работа.

Сначала — небольшая историческая справка. Первые 10-летия XIX века можно назвать временем домашнего, салонного музицирования в дворянской среде и, в первую очередь, пения. Вокальная светская музыка вбирает в себя традиции народной песни, романса, маршевых кантов и куплета, основными чертами которого являются лаконичность и простота формы.

Запоминающийся мотив и легкое, часто шуточное содержание дают возможность любому попробовать свои силы в сочинении куплетов на случай. Тем более, что исполнить этот куплет на мотив какой-нибудь известной песенки (как в данном случае) не считалось зазорным, так же как попросту подставить другое имя в уже известный текст (“И смело вместо *belle Nina* / Поставил *belle Tatiana*”) (VI, 109).

Итак, Трике — “поэт... скромный, хоть великий” по умению заимствовать и текст, и мотив куплета. Что же послужило источником заимствования? Б.В.Томашевский в “Заметках о Пушкине”¹ отмечает, что текст с *belle Nina* неизвестен, но одна из редакций песенки, начинающейся строчкой “*Reveillez -vous, belle endormie*” приведена в книге “*Chansonnier Français*”. Paris, 1829 (том первый, с. 106), находившейся в библиотеке Пушкина. Б.В.Томашевский считает, что Пушкин не пользовался текстом из

“Chansonnier Français”, но мотив песенки, приложенный к сборнику не отличался от того, “знаемого детьми”, который был известен, очевидно, и самому Пушкину.

Создатель песенки — французский поэт и драматург Шарль Ривьер Дюфрени (1648—1724), правнук Генриха IV и его фаворитки, известной под именем “прекрасная садовница Аннетта”. По этой причине поэт пользовался покровительством Людовика XIV, успешно занимался живописью, музыкой, архитектурой, поэзией, но в конце концов выбрал драматургию. Большую известность получили его комедии “Двойное вдовство”, “Дух противоречия” и др.

Интересно, что П.И.Чайковский этим мотивом не воспользовался, о чем с упреком пишет Б.В.Томашевский. “Его <Чайковского> Трике мало имеет сходства с Пушкиным, а куплет он поет на такой мотив, что его нельзя приладить к стихам Дюфрени”². В.В.Яковлев полемизирует с Б.В.Томашевским и приводит следующие данные, полученные им в 1936 г. от бывшего директора музея П.И.Чайковского Л.Т.Жегина: “В личной библиотеке П.И.Чайковского, хранящейся в Доме-музее его имени в Клину, имеется сборник популярных французских песен “Chants et chansons populaires de la France” (год издания не обозначен). В этом сборнике помещен “ноктюрн” для двух голосов “Dormez, dormez, chères amoures”, музыка де Боплан... Сборник этот, несомненно, принадлежал П.И.Чайковскому, так как, кроме нахождения его в составе личной библиотеки композитора, на обложке издания рукою Чайковского написано несколько слов; в самой песне его пометок нет. Помимо большого музыкального интереса, который по сравнению с песенкой Дюфрени представляет материал, явно использованный П.И.Чайковским, следует сказать, что Beauplan был известен в начале 30-х годов в любительских кругах Москвы и Петербурга. Таким образом, Чайковский очень обдуманно использовал мелодию, известную в эпоху, близкую ко времени пушкинского “Евгения Онегина”, оформил ее интересно и с сохранением колорита; популярность “Куплетов Трике” в опере вполне понятна. Кстати сказать, при появлении оперы на сцене (в 1880-х гг.) критикой отмечалось это использование Чайковским французской старинной песенки, как всем известный факт. Что касается мелодии Дюфрени, то, надо думать, Чайковский о ней не знал³. В.Яковлев приводит только текст первого куплета песенки в нотках, другие (если они были), он не помещает.

Reposons nous ici tous deux,
Goutons le charme de ces lieux
Qu'un doux sommeil ferme vos yeux:
Que le bruit de l'onde se mêle
Aux doux accents de Philomèle.

Dormez, dormez, cheres amours,
Pour vous je veillerai toujours.

Отдохнем здесь вдвоем,
Вкусим очарование этих мест,
Пусть сладкий сон сомкнет ваши глаза,
Пусть шум волны сольется
С нежными звуками Филомелы.
Спите, спите, дорогая возлюбленная,
Ради вас я буду бодрствовать вечно.

В России, видимо, Дюфрени был известен больше как автор нескольких популярных в свое время романсов и куплетов.

В своей работе Б.В.Томашевский помещает текст песенки на языке оригинала в наиболее известной редакции: "Reveillez - vous, belle endormie..."

В редакции, приведенной в "Chansonnet Français", — книге из библиотеки Пушкина — песенка особенно отличается от приведенного Томашевским первого куплета:

Reveillez-vous, belle dormeuse,
Si ce baiser vous fait plaisir;
Mais si vous etez scripuleuse,
Dormez, ou feignez de dormir.

Проснись, красотка,
Если этот поцелуй тебе приятен,
Но если ты щепетильна,
Спи, или притворяйся.

Мотив притворного сна красавицы неоднократно разрабатывался в мировой литературе, в частности, у Бокаччо, Бальзака — и самого Пушкина, например, в "Графе Нулине":

Хозяйка мирно поживает,
Иль притворяется, что спит (V, 10).

Также французская песенка перекликается, как нам кажется, со стихотворением Пушкина "Признание". Вызов на притворство, на своего рода легкую любовную игру — как у Пушкина ("Но притворитесь! Этот взгляд / Всё может выразить так чудно!.." (III, 29), так и у Дюфрени ("Если поцелуй приятен, спи крепче, дорогая, спи, или притворяйся..").

Еще более любопытной представляется нам возможность соотнесения песенки со сном Татьяны, непосредственно предшествующим картине именин, тем более что сон в пушкинском романе и вообще в литературном произведении — тема чрезвычайно интересная.

Первая ассоциация достаточно поверхностная и прямая: сон Татьяны — и в куплете речь идет о сне (“Проснись, красотка, Если этот поцелуй тебе приятен... спи крепче...”). Но можно несколько развить эту ассоциацию: у Дюфрени “спит разум, но не сердце”, в то время как рассудок спит, торжествует любовь, чувства. И в сне Татьяны, и сюжет и большинство героев которого фантастичны (подающий лапу медведь, застолье с чудовищами и т. д.), практически единственное, что переносится без искажений из реальности — это любовь Татьяны к Онегину.

Следующий момент, на который следует обратить внимание — мотив страха, присутствующий как во сне Татьяны, (“боязливymi шагами”, “взглянуть назад не смея”, “еще страшней, еще чуднее”, “и страшно ей, и торопливо Татьяна силится бежать” (VI, 102—105), так и, в меньшей конечно степени, в песенке (“бойся, чтобы я тебя не разбудил”, “раз истина тебя страшит”).

В последнем случае страх связан с моментом пробуждения: страшно проснуться, т. к. страшно осознать правду.

И пробуждение Татьяны тоже нерадостно, т. к. “Ее тревожит сновиденье, не зная, как его понять, Мечтанья страшного значенье Татьяна хочет отыскать”. Героиня пушкинского романа, в отличие от “Красотки” из песенки, стремится узнать истину, но эта истина тоже страшит ее.

Еще один яркий мотив, встреченный как у Дюфрени, так и у Пушкина — мотив обладания, причем обладания, не осуществленного в реальности, но возможного во сне.

У Пушкина:

Всё указывает на нее,
И все кричит: мое! мое!
Мое! — сказал Евгений грозно (VI, 106).

И дальше:

Онегин тихо улекает
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо... (VI, 106).

у Дюфрени:

Но если поцелуй приятен,
Спи крепче, дорогая,
Спи, или притворяйся.

Если я появлюсь во сне,
Воспользуйся сладким заблуждением,
Вкушай удовольствия лжи.

Кроме того, можно предположить, что песенка звучит от лица мужчины, фактически выступающего в роли соблазнителя, вызывающего на легкую любовную игру.

А в письме Татьяны присутствует сопоставление Онегина с соблазнителем, искусителем.

Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель... (VI, 67).

И если в отношении к Татьяне Онегин не играет ни одну из предложенных ролей, его естественное поведение оказывается гораздо сложнее литературных штампов, то на именинах Татьяны (там же, где звучат куплеты), он действительно блестяще исполняет хорошо знакомую ему роль Ловеласа по отношению к Ольге. И это только роль, маска, цель которой — “Ленского взбесить”, хотя следствием ее становится очень серьезное, более того трагическое событие — гибель влюбленного поэта от руки друга (тоже как бы предугаданная сном Татьяны).

Что это? Возможно, еще одно глубоко скрытое предсказание (вспомним вновь “вещий сон” Татьяны)? Подтверждение еще одного “возможного сюжета” (Онегин — обольститель), который, по словам С.Г.Бочарова, является “особой и ценной реальностью”, то “несбывшееся” в судьбе героев, что “входит в смысловой итог романа”⁴.

¹ Томашевский Б.В. Заметки о Пушкине. 3. О куплете Трике // Пушкин и его современники. Пг. 1917. Т. 7. вып. 28. С. 67 — 70.

² Там же. С. 70.

³ Яковлев В.В. Пушкин и музыка. М.-Л., 1949. С. 255, 263.

⁴ Бочаров С.Г. Проблема реального и возможного сюжета (“Евгений Онегин”) // Генезис художественного произведения (Материалы советско-французского colloquium). Л., 1986. С. 155.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1996

№ 8

Отделение литературы и языка Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Международное общество культурных связей с Индией

Издается с 1993 года

К 200 - ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА Тематический номер

СОДЕРЖАНИЕ

Из пушкиноведческих разысканий

В.И.Кулешов. Духовный путь Пушкина (К пересмотру концепций).	3
А.А.Смирнов. Романтика дружбы в лирике Пушкина.	13
М.В.Строганов. О роли предания в исторических сочинениях А.С.Пушкина.	23
Д.П.Ивинский. "Медный всадник" Пушкина и "Отрывок" III части "Дядюв" Мицкевича	32
А.Б.Криницын. Пушкин и Жюль Жанен.	37
И.С.Кузнецов. Элегия Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных...".	49
Т.К.Батурова. Пушкин и альманах "Уrania".	56
Г.В.Зыкова. "Цыганы" и опера Вебера "Прецноза".	65

К "Евгению Онегину"

Ю.В.Стенник. Традиции Державина в "Евгении Онегине".	68
Н.Л.Дмитриева. Татьяна и Полина (Пушкин и Загоскин)	77
Г.В.Краснов. Соседи в поэтическом мире "Евгения Онегина".	85
В.А.Кошелев. Именник "Евгения Онегина" в функциональном аспекте.	91
Е.Я.Вольская. "Куплет Татьяне".	101
Е.А.Пономарева. О какой "грамматике" речь?	106
Н.И.Михайлова. "И учит азбуке детей".	111
А.В.Наумов. "Евгений Онегин" глазами криминалиста	114